

2. Стальной аргумент

Месье Рауль Бессон зашел сегодня вечером, чтобы отдать Маргарите Львовне томик де Беранже, одолженный на прошлой неделе, и любезно принял приглашение Германа пропустить по рюмочке Форти Крик, оставшись, наконец, после этого на ужин. Вчера он в качестве прогулки сопровождал мадам Корф до отделения Рояль Банка, а позавчера по ее просьбе приносил пучок лимонной мяты из собственного сада, без которой их вечернее чаепитие, конечно, не обошлось бы.

Венский не перестает поражаться, зачем соблюдать эти церемонии и придумывать причины своих регулярных встреч. Почему бы просто не представить им соседа в качестве своего сердечного друга и не встречаться в их доме как официальная пара. Пожилой месье Бессон с его старомодной тростью и безупречными манерами мужчина весьма приятный, он вдовец и владелец соседнего особняка, и ни одной причины, чтобы скрывать их взаимную с Маргаритой Львовной симпатию, Герман не видит. Не Венского же с Филем стесняться, в самом деле... Хотя Герман подозревает, конечно, что интеллигентная бабушка Филиппа немного комплексует перед кавалером из-за особенностей ее собственной семейства.

И тем не менее, Венский оказался прав, решив немного им помочь перейти к следующему этапу отношений: месье Бессон, сидя за общим столом, никаких неудобств не испытывал, беседуя с Венским о политике, нахваливая кулинарные способности милой Марго и восторгаясь ее рассказам о достижениях внука. Он даже вызвался помочь замечательной хозяйке с посудой, и это было очень кстати: Герман с Филиппом поспешили откланяться, сославшись на то, что отбывают с рассветом на озеро Двух Гор в дельту реки Оттава.

Филя уже ни о чем, кроме долгожданной рыбалки и ночевки в палатке думать не мог, задавая массу вопросов по ходу подготовки к путешествию. Он целый день создавал суету, и своим стремлением активно поучаствовать периодически вносил беспорядок в подготовленные Германом вещи. К вечеру Филя явно подустал, за ужином все больше помалкивал, явно не отвлекаясь от мыслей о предстоящем мероприятии, и лишь активные действия Германа в кровати помогли немного успокоить его нервное возбуждение.

Венский вез его в дельту знаменитой реки, предвкушая собственное удовольствие от общения с ним на фоне дикой природы. Герман специально не стал бронировать коттедж или организованный кемпинг, зная, что Филя никогда не жил за пределами городской черты. Как можно было отказать себе в удовольствии послушать его и за ним понаблюдать, изолируя от всех благ цивилизации?

Всего два часа езды от Квебек-сити да озера, час на подготовку лагеря – и Филя в разложенном шезлонге рядом с Германом ошарашенно наблюдает за нанизыванием червяка на внушительный крючок. А потом радуется, как ребенок, пойманному карасику, впервые почувствовав биение рыбы, выуженной лично на каменистый берег...

- Такая красивая трава здесь плавает, правда? – восторгался Филипп затянувшей озеро ряской. – Как будто большой ковр прямо на воде!

- Ковер, Филя, - умилялся Герман его откровениям.

- Ковер? – удивленно поднял Филипп брови и немного поразмыслив, спросил: - А почему, тогда ковры, а не коверы?..

Как жаль, что Герман так редко бывал с ним на открытом воздухе! Лишь Кубу можно в этом отношении вспомнить... Совместные утренние кроcсы в Монреале не в счет, там некогда рассматривать, какие светлые на самом деле его глаза с ободками вокруг радужки, изумленно распахнутые в ответ на очередной рассказ об истории здешних мест... И эти приоткрытые яркие губы, обнажающие крепкие верхние резцы. Как же трудно удержаться от поцелуя, а потом оторваться от него уже невозможно...

- Я люблю тебя, Филеныш, - прошептал Герман в ухо с маленькой родинкой, прижимая к себе его голову, - Тебе холодно? Пойдем в палатку?..

- Да, Герман, - хватал в ответ Филя кожу его шеи, точно также не обращая внимания на поплавки, но вдруг мягко его от себя отодвинул, с таинственной улыбкой заглянув в глаза. – А где здесь туалет?

- В смысле, где?.. - все еще улыбался Герман лишь потому, что не успел сменить блаженное выражение лица, хотя уже понимал всю полноту представшей катастрофы. Справлять «на брудершафт» малую нужду всегда было довольно весело, однако речь сейчас явно не об этом!

Теплые бабушкины носочки, полноценный надувной матрац, средства от комаров... Какая же это ерунда по сравнению с главным! И почему Герман думал, что опыт проживания в полевых условиях передвижного цирка должен как-то в этом помочь?..

- Но мы не жили на поле! – возмущенно ответил Филипп на робкие попытки на это намекнуть. – Мы жили в отелях! Я не понимаю, Герман, как это... Тоже стоя, или что?!

А ведь и в самом деле... Филипп же никогда, ни разу в жизни не оказывался вне зоны доступа к элементарным условиям гигиены. Хотел бы посмотреть на него Герман в зоне военных действий, например, куда храбрый Филя, будучи в Сочи, однажды собрался!

Что было делать Герману? Нежное Филечкино пищеварение для Германа – едва ли не самый важный из процессов любимого организма. Одного взгляда в его испуганное лицо от мысли обойтись без канализации было достаточно, чтобы сразу отказаться от идеи приспособить Филю к условиям природы. Пришлоось везти его до ближайшего кемпинга, бросив свой оборудованный по всем правилам лагерь. Филипп обиженно молчал всю

обратную дорогу, будто пережил публичное унижение, и так здорово начинавшийся день был полностью испорчен!

Герман, казалось, исправил все вечером, разведя костер и приготовив на решетке карасей. Филя ехался от вечерней прохлады, наблюдая за пламенем, огоньки которого отражались в его глазах, и Герман закутал его в теплый плед, подогрев перед этим любимым ромом. Усадив Филиппа перед собой на раскладном кресле, Венский все больше заводился от поцелуев в пахнущие дымом, спутанные волосы, и утащив его, наконец, в палатку, приготовился реализовать, наконец, то, ради чего, собственно, вся поездка и была затеяна.

- Здесь так тихо, - прошептал Филя, прижимаясь к Герману спиной и накрываясь его рукой. – Так хорошо спать... Давай дома уже, - ответил он на недвусмысленное движение мужа нижней частью тела, прекрасно ощущая степень готовности Германа к исполнению супружеского долга. – Чтобы ванная была... - И вырубился практически мгновенно.

Ладно, до ванной Герман бы без полноценного секса дотерпел, но к тому, что Филя, впервые оказавшись в такой интересной обстановке, просто уснет, Венский готов не был. Впрочем, спать его Филя всегда был мастер. В любых условиях и в любое время суток. А Герман еще и напоил его ромом! Теперь Филю точно не растормошить, и ворочаясь рядом с ним в кромешной тьме палатки, Герман снова невольно вспоминал Кубу, где Филипп точно так же отключился после лишней рюмки алкоголя.

И как ни переворачивался на матрасе крепко спящий Филя, а его аппетитный кругленький зад, обтянутый мягкими леггинсами, оказывался в плотном с Германом контакте. Если он лежал спиной, то упирался им прямо в член Венского, взвешенный еще с вечерних тисканий у костра. Если оказывался лицом, то, целуя прохладный нос и расслабленные Филины губы, Герман неизменно попадал на его упругие ягодицы ладонями, а на спину Филипп лучше бы совсем не переворачивался... И не потягивался так томно во сне в ответ на непрерывные приставания озабоченного мужа, сопротивляясь каждый раз, когда Герман пытался его теплые кальсоны спустить. Венский такой夜里 со своих юных лет не припомнит! Ни Томка, ни бывшие подруги Германа никогда из-за отсутствия в лесу джакузи не переживали. То, что это их первый с Филиппом и последний семейный выезд с палаткой, Венскому было ясно еще вечером, и наступившее утро его уверенность в этом только укрепило.

Задремав на рассвете, Герман пропустил момент, когда проснулся Филя. Не обнаружив Филиппа рядом с собой, Венскийглянул наружу и не мог не восхититься представшим зрелищем. Филя разминался, опираясь на ствол стоящего на берегу дерева. Словно кот выгибая спину, он тянулся и скручивался, подсвеченными лучами восходящего солнца, напоминая Герману так много из их не такой уж длинной истории. Любовь и счастье – это ведь не только постель, а еще много чудесных вещей! Это наслаждение вот так за ним наблюдать, разводить для него огонь и согревать горячим кофе, слушать и удивлять интересными рассказами... Как ни старался Венский мысленно проговаривать

эту мудрую мантру, а через пару мгновений обнаружил себя у Фили за спиной, обхватившим его спереди и целующим нежную шею.

- Ты уже проснулся? – потерся Филипп щекой о его волосы. – Здесь так сейчас красиво, правда? Жалко, что вода холодная, можно было бы поплавать, как в нашей лагуне, да?..

- Поехали домой, Филеныш, - теряя терпение, произнес ему в ухо Венский, больше не в состоянии любоваться живописными пейзажами ранней канадской осени.

- Уже?! – повернулся к нему Филипп, справедливо возмущенный таким поворотом.
– Ты же обещал научить меня спиннинг бросать сегодня! Мы ни одной щуки еще не поймали!

Не хотел лишать его Герман подобной радости и, проклиная тот день, когда сам придумал этот турпоход, после быстрого завтрака вышел со спиннингом на берег, не зная, чего хочет больше: чтобы щука для Фили попалась сразу или чтобы не клевала совсем и азартный Филипп побыстрее потерял к ней интерес.

Однако их рыбалка закончилась даже раньше, чем Герман мог предполагать при самом желанном для себя раскладе. Свистящее движение спиннингом при броске блесны Филя уловил прекрасно. Жаль только, не дождался, когда Венский отпустит привязанный к леске воблер.

- Ч-черт! – довольно сдержанно произнес Герман, и Филя повернулся к нему, удивившись, почему не получилось лихого свиста в момент резкого разгона удилища.

Филипп так и застыл с поднятым спиннингом, продолжая внатяжку держать пойманного им Венского и в ужасе глядя на загнанный крючок мощного «тройника» в ладонь Германа, как раз у основания большого пальца.

- Похоже, щука поймана, - констатировал Герман, рассматривая украшение. – Спиннинг положи, Филя. И нож возьми, отрежь леску.

- Я случайно, Герман! – бросив спиннинг, схватил его ладонь побледневший Филя.
– Тебе больно?! Его можно вытащить?

- Без хирурга вряд ли. Леску отрежь.

Филипп неожиданно толково и быстро справлялся со всеми действиями по сворачиванию лагеря, активно помогая оказавшемуся временно одноруким Герману и четко следя его указаниям. Не произнеся больше ни звука, Филя сосредоточенно упаковывал в багажник джипа вещи, лишь время от времени кося глазами на торчащий из ладони Германа «тройник», и когда сел за руль, на удивление дисциплинированно вел машину, будто боясь лишний раз причинить Герману боль слишком резким поворотом или подскакиванием на неровности дороги. Венский пытался шутить, чтобы немного его расслабить, но ничего смешного в остроумных высказываниях мужа по пути в

ближайшую больницу скорой помощи Филипп не находил, явно считая ситуацию чрезвычайно для здоровья Германа опасной.

Однако по прибытию в госпиталь и после предварительного осмотра дежурным врачом нервы у Филиппа все же сдали: поскольку состояние Венского оценивалось как не требующее немедленного вмешательства, они оказались в самом конце очереди из ожидающих «скорой помощи» пациентов. Травмированных, больных, здоровых, но паникующих... обычное для монреальских больниц явление! Ориентировочное время ожидания – пять часов, и это, надо сказать, довольно неплохо.

- Что значит пять часов?! – громко возмущался Филипп, впервые столкнувшийся с особенностями местной медицины. – У нас есть страховка, мы можем заплатить!

- Филя, перестань, – оттаскивал его Венский от кабинета врача, уже решив, что оставаться здесь в любом случае не будет. До Кубы можно долететь быстрее, чем дождаться очереди к канадскому дежурному хирургу, это Герман и так знал. Просто до сих пор чисто теоретически. – Страховка поможет именно не платить. Домой поехали!

- Как это домой, Герман?! Прямо так, с крючком? Ты с ним так и будешь жить, или что?!

- Ну, до гаража нашего точно дотяну. Есть план, поехали!

Теперь уже Филипп возмущался на всех известных ему наречиях не замолкая, всю дорогу до Утремона, находясь под впечатлением от посещения больницы и пытаясь понять, что именно придумал Герман, чтобы избавиться от всаженного в ладонь «тройника».

Венский не стал распаковывать вещи, сразу же достав с полки ящик с инструментами и увидев, как вынул он мощные кусачки, Филя окончательно пришел в ужас:

- Что ты хочешь этим сделать, Герман?! Пожалуйста, давай на Кубу полетим...

- Разговорчики, рядовой Корф! Поможешь? – подмигнул ему Венский, направляясь из гаража. – Пойдем, рыбак, пирсинг делать будем!

Филипп бледнел все больше, стоя перед Германом в их ванной и слушая его указания о том, как нужно будет перекусить клещами крючок, который Венский пропустит дальше, проколов кожу насквозь и оголив с другой стороны острую зазубрину, идущую от кончика крючка, которая, собственно, и не позволяет его вытащить, грубо не разорвав ткани.

- Давай, Филеныш, потренируйся! – подставил Герман под щипцы кусок металлической проволоки, специально захваченной из гаража. – Вот, отлично! Будет труднее, сталь жестче. Но ты, я вижу, справишься. Готов? – Герман еще раз полил место ранения виски, в последний раз приняв прямо из горла изрядную его порцию внутрь и практически допив бутылку. – Ну с богом.

Оскалив от напряжения зубы, Филипп не отрывал взгляда от протолкнувшегося сквозь кожу Германа крючка. Он сделал все совершенно четко, аккуратно подведя под стальной кончик мощные клещи и одним движением перекусив крючок, который Герман тут же вытащил через входное отверстие:

- Вот и все!

Филипп со стуком бросил на пол кусачки, тут же схватил руку Германа и накрыл губами рану, из которой сразу же хлынула кровь.

Боли не ощущалось совсем, лишь электрическая волна по всему телу от присосавшегося к ладони живого рта. Не отрываясь, Филипп поднял к лицу Германа взгляд и с явным удовольствием глотнул, окончательно развеяв все сомнения Венского относительно своих дальнейших действий. Они как раз в ванной, и нет больше ни одной причины, чтобы сдерживаться. Слишком много приключений, эмоций и выпитого алкоголя...

Уже давно остановилась кровь, но пальцы, липкие от виски, в его рот Венский так и продолжал засовывать, развернув Филиппа лицом к зеркалу и второй рукой проникая, наконец, между покорно подставленными гладкими холмиками. Никаких приглашений Герман ждать больше не собирался, тем более, произносить что-либо, кроме сдавленных стонов, Филя бы не способен, втягивая и лаская языком пальцы Германа, будто зализывая его сегодняшние раны.

- Аахах ты ж мой доктор! – одним движением втолкнулся, наконец, Герман в его плотные ткани, заставив выгнуть в дугу спину, красоте которой Венский не переставал поражаться, желая Филю всего и сразу, и часто, как в этот раз, боясь в порыве своего желания реально травмировать. Да хоть бы не задушить, накрывая его горло, чувствуя пульсацию вен и дразнящую подвижность кадыка.

- Я умираю, Герман, я умираю! – чувственно произнес Филипп, зажмуриваясь и уже себя не контролируя, давая Венскому полюбоваться на их дикое зеркальное отражение и ощутить первые непроизвольные спазмы у него внутри, чтобы закричать вместе с ним на своих завершающих толчках.

И ванна с гидромассажем – в нескольких шагах, и их большая кровать, и, главное, больше никаких в постели штанов и клетчатых фланелевых рубашечек! Ужин Венский прямо в спальню притащил, не обращая внимания на возмущение Маргариты Львовны. У них постельный режим, слишком трудно дались им последние сутки в отрыве от цивилизации! Ни на какие приключения Венского больше не тянет, как могли ему раньше подобные походы нравиться?

Хотя логично, наверное: это было до того, как с ним случилось его главное приключение. Теперь оно жует любимую курочку прямо в кровати, хищно задирая треугольничек губы перед тем, как отхватить очередной кусок и смотреть за это Герман может бесконечно.

- Вкусно, вампиреныш? – улыбался ему Герман, подавая салфетку. – Когда на следующую рыбалку? Щук на крючки насаживать.

- Скоро, - невозмутимо ответил Филя, вытирая руки и совсем уж серьезно добавил.
– Думаю, через две недели где-то. На Кубу. На совсем. Нам же все равно, где жить.

- Ничего себе, разворот! – поразился Венский, понимая, что Филипп вовсе не шутит. – А бабушка?

- Как хочет, - деловым тоном сказал Филя. – У нее здесь Рауль уже есть, пускай с ним остается. А у меня ты, - без всякой, казалось, логики, добавил Филя и обиженно объяснил: - Я тебя сам лечить все время не смогу. Это только ты все сам умеешь!

- Ах, вот оно что! – засмеялся Герман, тем не менее, признавая весомость Филиных аргументов. Он и сам, надо признать, всегда хотел на их кубинскую виллу переехать.

Взглянув на торчащее из-под одеяла острое колено, Герман накрыл его ладонью и как можно серьезнее сказал:

– Я согласен только при одном условии.

- Ну, - сердито взглянул на него Филипп, явно приготовившись вступить в дискуссию. – При каком?

- Милана переедет тоже.